

Послѣ побѣды.

(На полях битвы под Варшавой).

III.

В течение двухъ недель центральная часть Варшавской губернии была театромъ военныхъ дѣйствій. Въ мѣстоцахъ и деревняхъ то стояли русскіе полки, то хозяйничали нѣмцы, то приходили тяжелые и упорные бои. У всѣхъ поляковъ при мысли объ этомъ сжималось сердце; передъ всеми вставала вопросъ: что же стелось съ этими богатыми краями, гдѣ люди привыкли жить въ довольствѣ, а иногда и въ роскоши?

Первые дни наступления нѣмцевъ вызвали самыя горестныя ожиданія. Бѣглецы являлись въ Варшаву тысячами. Заставы были запрещены телеграммы и фурами, набитыми всякими домашними скотомъ и людьми, незнакомыми, куда имъ дѣваться. Многие здѣсь же, въ варшавскихъ предѣлахъ, — на Возѣ, напримеръ, — располагались станомъ и на всѣ вопросы, что они намѣрены дѣлать, бессмысленно отбѣгали, что останутся здѣсь, что имъ идти некуда. Плакали женщины, ревели дѣти; мужички угрюмо стояли у своихъ телегъ, дойдя до того состоянія отчаянія, когда уже оруки не поднимаются, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Городъ принялъ дѣятельное участие въ бѣженствѣ, распредѣляя ихъ, сколько могъ, по разнымъ учрежденіямъ, возникшимъ за послѣдніе мѣсяцы въ Варшавѣ, даль бездомныхъ крошекъ, кормить голодныхъ. На полевеніи Варшавы уже были тысячи бѣглецовъ, уходившихъ раньше изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, начиная съ Калиша.

Первые дни боевъ еще болѣе ухудшили общее настроеніе. По вечерамъ на горизонтѣ, въ разныхъ мѣстахъ, отчетливо выступали зарева. Всѣ знали, что это горитъ города, деревни и отдѣльныя усадьбы. Постепенно приходили вѣсти о разгромѣ того или другого мѣстечка. Грохотъ непрерывной канонады заставлялъ думать, что все дожащенное нѣмцами будетъ разрушено артиллерійскими орудіями.

Сами варшавяне споспѣи бѣду бороться, чѣмъ можно было окупать. Третья часть въ городѣ быстро улетѣла и никогда не доходила до панни. Не выжидали особаго волненія даже поодиножники, которые, въ эти грозныя дни, внезапно появлялись въ толпѣ, начинали шопотомъ сообщать, какъ очевидцы, будто передовые нѣ-

мецкіе отряды подошли къ такой-то заставѣ или уже вступили въ такое-то предѣстье. Несмотря на выходы изъ города правительственныхъ учрежденій и другіе вѣдѣніе признаки населеніе продолжало вѣрить, что русская армія оборонитъ его отъ нѣмецкаго нашествія.

Труднѣе было положеніе бѣженцевъ, которые своими глазами видѣли пожаръ родныхъ домовъ и, следовательно, гибель всего своего достоянія. Сначала въ рядахъ этихъ заложничихъ поминутно слышались рыданія. Но вслѣдъ за ними обращались съ жалобами на свою судьбу. Потомъ наступило тупое отчужденіе. Въ Швейцарской долинѣ, въ цѣркви, въ городскихъ святилищахъ, въ веденныхъ изъ подъ жилье, бѣженцы цѣлыми часами сидѣли неподвижно, не обмѣниваясь между собой ни словомъ. По вечерамъ холодное отчаяніе влекло ихъ за заставу, гдѣ они угрюмо взирали взоръ въ зарева пожарныхъ и въ огоньки далекихъ шрапнелей, и въ раздиравшихъ небо, съ думой о своихъ разрушенныхъ жилищахъ.

Нельзя было вспоминать о своемъ класическомъ древоствѣ. Такъ, вѣроятно, восматривались въ знаменное небо жители Афинъ, собранные Перикломъ въ Асинахъ, когда Агесилай, вторгнувшись въ ихъ землю, предать огню и мечу окрестныя деревни, виноградники и насаженныя рощи... Такъ же озирали съ ужасомъ даль бѣженцы изъ Кампаньи, протискиваясь въ Римъ, когда Гамбальда, достигнувъ къ Виченному городу, жегъ все кругомъ. Какъ вѣрно передавъ эту картину въ одной терциѣ сонета Ж.-М. Эредиа:

Сомы женщины и дѣтей сплести,
мама руки,
На зарево глядѣть и плакать въ тишинѣ...

Послѣднее, когда нѣмцы начали отступать, пришли болѣе утѣшительныя вѣдѣнія. Говорили, что на этотъ разъ нѣмцы оказали милосердіе, чѣмъ обыкновенно. Они не поджигали городовъ преднамѣренно, какъ въ Бельгій, и не посарались на скудное имущество жителей мѣстечекъ въ родѣ Прушковы, Гройсы, Писечной... Кроме того, арбы раньше нѣмцевъ въ Варшавской губернии было самымъ непродолжителнымъ, что бы они могли причинять краю серьезный вредъ. Не было вреденъ притуплять, какъ, напр., въ Домбровѣ, къ систематической эксплуатациіи мѣстныхъ естественныхъ богатствъ или, какъ въ Суваляхъ и многихъ другихъ городахъ, вывести за границу все наиболѣе цѣнное на подводахъ. Лучъ надежды дѣлался въ думашъ бѣженцевъ. Весеннее солнце же, выходя на осмотру полей поджигалъ битвы, имъ съ тѣсною ожидали, что встрѣнятся картины такого же страшно опустошенія, какое видѣли

на югѣ Люблинской губернии и въ пограничныхъ районахъ Галиціи.

По счастью, наши описанія оказались преувеличенными. Само собой разумѣется, что проходы неприятеля и многодневныя артиллерійскія бои оставили на край глубокую слѣду. Но и по крайней мѣрѣ ожидали опустошенія сораздо болѣе жестокаго и, какъ ни тяжело сейчасъ положеніе мѣстного населенія, думаю, что оно должно благодарить Бога и русскую армію, спасшихъ ихъ отъ полного разоренія.

Сильно пострадали поля. Они всѣ перерваны окопами, которые достигаютъ мѣстами глубины 2½ аршинъ. Не легко будетъ забивать отъ рапы плугомъ и борошей. Забѣланы пашни и засеянные огорода потоптаны. Подъ Варшавой — сотни десятковъ, залитыхъ лартофельемъ, рѣпой, свекловичемъ, капустой. По нимъ не разъ и не два пропали овцы и выверды русскія и нѣмецкія лошади и просажали батальоны канальеры. Капустные кочаны, оторванные отъ своихъ корней, катаются теперь по полямъ какъ отрубленные головы.

Вырванныя рѣпы свалены на огородахъ сплошными кучами. Картофельныя поля подъ копчатями лошадей превратились въ кані-то мнимою для верховой вѣды.

И все-же даже на поляхъ много уцѣлѣло. То тамъ, то здѣсь, видны пашни или гряды, сохранныею частью случаемъ. Уже бабы и мужички бродятъ по своимъ клочкамъ земли и подбираютъ все, что можетъ быть использовано, подправляютъ несомнанные кочаны, откладываютъ въ сторону неперепелные осколки, копаютъ оставшіяся картофелины. Я видѣлъ мужика, заново боронованнаго свое поле. Несомнѣнно, будущій годъ скажется въ польской деревнѣ тяжкимъ недостаткомъ во всемъ, но при своевременной помощи дѣло еще можно поправить, — земля не опустошена такъ, чтобы являлся опасеніе ее изгнать.

Непоправима, конечно, ужасъ убитыхъ деревень. Тѣмъ-то явленіемъ обратилось въ голыя корки, по которымъ лѣтомъ будутъ носиться тучи пыли. Надо будетъ сажать деревья вновь и ждать долгие годы, пока опять встанутъ вдоль пробѣланныхъ путей развѣстистые вязы и привѣтливый ветлы. Но и по дорожникамъ аллеямъ военная гроза прошла какъ-то стороной. Многие, и притомъ лучшія, сохранились въ цѣлости, — напримеръ, по шоссе отъ Варшавы къ Прушкову, часть — по пути на Гройсы, и т. д. Живы въ громадномъ большинствѣ уцѣлѣли (вырубать ихъ было бы слишкомъ продолжительной работой) и только изъвлеченыя снарядами. Весеннее солнце и весенніе дожди, лѣтній зной и лѣтній грозы заливаетъ рыны гонимыхъ выженокъ, и на расчищаемомъ просторѣ живые вѣдутъ вымы молодыя де-

рсли.

Въ деревняхъ, близъ которыхъ происходилъ артиллерійскій бой, обычно повреждено, судя на глазъ, около трети или четверти домовъ. Недалеко отъ деревни калуга дожаженными войной и возомъ не производятъ того впечатлѣнія сложнаго пожара, какъ явилъ себѣ входя въ самую деревню, различены слѣды жестокаго разгрома отдѣльныхъ строеній. Снаряды словно выбирали свою жертву: въ нѣкоторыхъ домахъ ихъ ударомъ нѣсколько, въ другіе, стоящіе рядомъ, — ни одного.

Безъ дома-прудничка, совершенно обрушившіяся подъ ударами гранаты. Крыша придавила стрѣны, и рухнувшая балка обрушила все внутреннее устроеніе. Люди, еще чуть не вѣтра захлестываемы, сегодня осматриваютъ себя быками. Я видѣлъ одного старика-богача, который ни за что не хотѣлъ уходить отъ своего разваливаемаго домишка и упорно ковался въ грудѣ мусора и обломковъ, выисывая какия-то жалкіе обломки вещей. Сосѣди горько попрекали старика:

— Стыдло тебѣ такъ убиваться. Ты — одинъ, проживешь такъ-нибудь. Каково тѣмъ, которые цѣлой семьей остались ни съ чѣмъ!

Дѣйствительно есть семьи, у которыхъ въ огнѣ погибли и домъ, и все имущество. Въ той же деревнѣ, гдѣ жилъ богачъ, семья изъ семи человекъ лишилась крова, съгорѣла, сбереженій, всего своего достоянія и осталась только въ той одеждѣ, въ которой всѣ бѣжали въ лѣсъ, укрываясь отъ боя. Но эти люди обнаруживали неослабленную бодрость, не пали духомъ и строили планы новой жизни.

— Поиду служить въ войскъ, — говорилъ отецъ, — жена тоже найдется куда-нибудь, и старшая дочь, а младшей расую по добрымъ людямъ.

Впрочемъ такая твердость — исключеніе. Громадное большинство тѣхъ, кто оставался въ деревняхъ въ дни боя, сиротавшихъ въ погребкахъ или укрывшихъ въ ближайшемъ лѣсу, совершенно потрясено пережитымъ. Видно, что ихъ зверы разстроены до послѣдней степени. Многие говорятъ про себя, что теперь они рѣшительно не могутъ спать: имъ все слышится грозный грохотъ артиллерій. Мы вступили одну женщину, которая непрерывно дрожала вслѣдъ тѣломъ, словно охваченная пламской св. Ватты. Весь день боя она просидѣла подъ каменной оградой фабрики. Во многихъ мѣстахъ стѣны были разрушены снарядами, кругомъ слышался кирничъ; гранаты задрывали каменную кладку и являлись летѣльями разрываться въ поле... Вышея такую пятку, женщина почти потеряла рассудокъ. Дрожая, она повторяетъ теперь одно слово: *судьба, судьба, и это —*

все описаніе боя, которое она можетъ дать.

Трагическія сцены разыгрываются среди возвращающихся бѣженцевъ. Нѣкоторые на мѣстѣ своего дома, къ которому они такъ привыкли, находятъ груды развалинъ. Одни рыдаютъ, другіе въ недоумѣніи глядятъ на то, что еще недавно было ихъ жильемъ, старательно убраннымъ по вкусу хозяевъ... За то сколько бываетъ радости, когда вернувшись находятъ свой домъ нетронутымъ! Самый фактъ, что стоятъ его стѣны, радуетъ ихъ какъ драгоценный находка. Но нѣкоторые строения сохранились дѣйствительно цѣлыми, какъ если бы бой и не бушевалъ вокругъ нихъ. Войдя внутрь, видны все на своихъ мѣстахъ: даже картины и фотографии остались висѣть на стѣнахъ и не разблалась поуда на этажеркахъ! Въ другихъ домахъ только дощички отъ сострасенія, стекла, да расколотые нѣсколько тарелокъ.

Война не пощадила и храмовъ. Пель Писечной оянь костель не только разгромленъ, но и оскверненъ нѣмцами, которые вообще не считаются съ религиозными чувствами населенія. Еще додумавшись, что въ самомъ костелѣ нѣмцамъ бытъ устроенъ лазаретъ: объ этомъ свидѣлствуютъ оставшіяся кровати.

Но чувство негодованія возбуждается во всѣхъ то, что пилная часть храма была отведена подъ кухню. Предметы богослуженія похолоды, священныя изображения нагѣренно попорчены, у статуи Мадонны отбита голова и т. д. Газсказываютъ и о костелахъ, въ которыхъ нѣмцами были устроены копошны. Красивый высокій костель подъ Прушковомъ имѣетъ сейчасъ трагическій видъ. Вышній обликъ здания сохранился; по-прежнему онъ возноситъ къ небу илы двухъ готическихъ башенъ. Но кирпичная обанцова стѣла въ мѣстахъ обвалилась. Остались одинъ желѣзный рельсъ и балка, на которыхъ стѣлы и крыша были утверждены. Если смотреть сбоку, то видишь какъ бы свелетъ собора. Солнечные лучи свободно проходятъ чрезъ рѣшетку его остова. И кажется, что это — тѣло, обглоданное хищными птицами.

Всѣхъ разрушеній, которымъ пришлось видѣть въ деревняхъ и въ поляхъ, не перечислить. Вогъ, медница-вѣтринка, подрѣзанная у самаго основанія. Она повалилась, какъ стояла, и лежитъ на землѣ, точно огромный игрушка, опрокинутая ребенкомъ. Такъ и хочется взять ее двумя пальцами и поставить въ мѣсто... Вотъ фабричная труба, произведенная снарядами, такъ что можно смотреть въ круглое отверстіе какъ въ позорную трубу... Дѣйствіе тяжелыхъ гранатъ и шрапнелей ужасно. Онѣ дробятъ кирпичную кладку; разбиваютъ крыши поодиножкамъ; пробиваютъ насквозь чугунныя

ворота; нагромождаютъ томаты ламки, какъ задръ котлами — мясо. Гранаты сокрушаютъ деревянные стрѣны, какъ дубовеніе — картонный домикъ, и громятъ каменные, какъ сильный ударъ палки разломать бѣмъ игрушечную избу изъ дощечекъ.

Города пострадали сравнительно меньше. Въ Писечной есть одна полустрофанная улица. Въ Прушковѣ разрушены строения близости стрѣны. Мѣстныя газеты насчитываютъ въ другихъ городахъ гдѣ 50, гдѣ 70, гдѣ 100 поврежденныхъ и сожженныхъ домовъ. Но въ общемъ города Варшавскаго уцѣла могутъ теперь же возобновить обычную жизнь. Необходимъ только немедленный поворотъ съѣстныхъ припасовъ, такъ какъ нѣмцы забрали все, что можно есть и пить. Ни въ одномъ городѣ мы не могли достать ни кусочка колбасы, ни бутылки содовой воды; нѣтъ соли, сахару, ситара, папиросъ, табаку, свичекъ и т. п. Въ одной мелочной лавочкѣ, въ которую я зашелъ, весь товаръ состоялъ изъ дожныхъ конфетъ, корзинки вывѣзъ наложеннаго картофеля и нѣсколькихъ бутылочекъ уксуса, очевидно, не понадобившагося нѣмцамъ. Разгромлены также магазины бѣлыя. Увѣряютъ (самъ я этого не видѣлъ), будто нѣмцы для ускоренія «покупки» не давали себѣ труда входить въ магазины чрезъ двери, а разбивали оконныя стекла и брани вени прямо въ выставку.

Страшнѣе разказовъ о собитіяхъ грозныхъ дней такъ много, что всѣхъ не перекажешь. Въ одномъ мѣстечкѣ былъ лазаретъ, гдѣ лежало много раненныхъ пруссаковъ. При приближеніи нѣмецкихъ войскъ они съ угрозами набросались на русскіе сестры милосердія, самоотверженно ухаживавшихъ за ними, и стали требовать оружіе, желая присоединиться къ своимъ. Только вступленіе въ мѣстечко казаковъ спасло сестеръ отъ расправы со стороны ихъ пѣшецовъ. Другое мѣстечко нѣмцы, отступая, подожгли съ четырехъ колошекъ, чтобы прятаясь путь преслѣдующимъ ихъ пруссакамъ. Впрочемъ и здѣсь помощь поспѣла вовремя, и пожаръ былъ потушенъ. Запоминя мнѣ еще разказъ объ одномъ мальчикѣ-еврѣ. Нѣмцы потребовали отъ него, чтобы онъ указалъ ихъ безопасную дорогу для отступленія, на которой нѣтъ русскихъ. Мальчикъ, напряженно, сознательно повелъ нѣмцевъ на наши позиции. Нѣмцы были частью потреблены, частью взяты въ плѣнъ, но успѣли въ послѣднюю минуту зарубить маленькаго патриота-еврея.

Въ настоящее время и деревни, и города заселяются вновь. Возвращается администрація, возвращаются бѣлѣшніе жители. Я увѣренъ, что черезъ какую-нибудь недѣлю прежній ходъ жизни возобновится. Крестьяне постепенно

соберутъ, что можно, съ опустошенныхъ полей, разнѣдутъ разбѣжавшуюся скотину, починятъ поврежденные дома, а болѣе счастливые пріютятъ потерившихъ рейной крошъ. Общее настроеніе облагаетъ и сейчасъ во всѣхъ мѣстна готовность покоръ сосѣду и односельчаннику. Въ городахъ открываются магазины, чиновники пойдутъ на службу, дѣти вернутся въ школы. Велика и тяжела будетъ нужда многихъ, но привычныя формы жизни постепенно влѣтъ временнымъ потрясеніемъ. Давній навывъ заставитъ во что бы то ни стало возстановить прежнее. Люди такъ свыклись съ опредѣленнымъ укладомъ жизни, что много не могутъ содъ представить; и наперекоръ воому будутъ стараться вості прежнеею жизнью или хотя бы дѣлать видъ, что ведутъ ее. И незамѣтно сотрутся слѣды страшныхъ дней, и все опять войдетъ въ свою глубокую, вѣками протеренную колею.

То, что сейчасъ въ маленькомъ видѣ можно наблюдать вокругъ Варшавы, въ большомъ масштабѣ совершается во всей Европѣ. Навыки законной жизни продолжаютъ временно беззакононы войны. Населеніе городовъ и деревень разбѣгается при грохотѣ орудій, подъ дождемъ шрапнелей; но, едва являясь тому возможность, сбѣгаютъ вернуться въ насаженыя гдѣбы и вновь начать привычный трудъ, привычное дѣло. Похоже на то, что ударъ молнии разбиваетъ какой-то огромный шаръ на тысячу осколковъ, но тотчасъ же миллионы рукъ протыкаются въ эти осколки, подымаютъ ихъ и снова сплываютъ въ одно цѣлое... Война, дѣлаясь нѣсколько мѣсяцевъ, не въ силахъ сокрушить то, что строилось цѣлыми столѣтіями. Въ борьбѣ хаоса войны съ культурнымъ строемъ жизни культура выводитъ побѣдительно.

Валерій Брюсовъ.

Варшава, 13-го октября.

Р. С. Послѣднее мѣстѣ недавнихъ битвъ стало теперь для жителей Варшавы любимымъ отдыхомъ. Въ воскресенье цѣлыми толпами горожанъ заполнены поля подъ Писечной, Блоньми, Прушковомъ и др., осматривали наши и нѣмецкія позиции, лазали по окопамъ, собирали оставшіяся «реликвіи». Предпримчивые люди тутъ же бойко торговали нѣмецкими касками, ранами, обломками шрапнелей, горстями патроновъ. Администрация желѣзнодорожъ за Прушковъ даже принуждена была приостановить пассажирское движеніе изъ-за чрезвычайнаго наплыва любителей.

В. В.